

Талина Коласкова

ПОСЛЕ РАЗВОДА

Не зови

НЕ ВЕРНУСЬ

Галина Колоскова

После развода. Не зови, не вернусь

«Автор»

2026

Колоскова Г.

После развода. Не зови, не вернусь / Г. Колоскова — «Автор», 2026

— Лариса, нужно поговорить. Начистоту. Обсудить ситуацию. Как партнёрам. Партнёрам. Меня бросает в жар.— Я проанализировал нашу ситуацию, — голос ровный, монотонный, как на отчёте перед акционерами.
— Наш брак это был амбициозный проект. Но проект, увы, убыточный. Где-то внутри звонко щелкает. Будто ломается тонкая ледяная игла.— Ты перестала быть активом, — продолжает муж, глядя не на меня, а куда-то в пространство за моим плечом. — Годы процедур, депрессий, этой твоей апатии. Они съели твой лоск. Мне нужна компания, которая всегда на пике. И жена — часть бренда. Ты же понимаешь.— Понимаю, — выдыхаю почти беззвучно, просто шевелятся губы.— Я встретил женщину, — сообщает он, и в его глазах промелькивает что-то, отчего мне становится физически плохо. Не страсть. Нет. Удовлетворение. Как от удачной сделки. — Она молода. Элегантна. У неё здоровая, ясная энергия. Она готова дать мне наследника. И не будет вечным пациентом клиник.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Галина Колоскова

После развода. Не зови, не вернусь

Пролог

Двадцать пятого декабря я сижу у панорамного окна и смотрю, как Екатеринбург рассыпается на миллионы новогодних огней. Думаю о Мальдивах. Вернее, о двух бумажках в сумочке. Мой отчаянный сюрприз. Последняя попытка вдохнуть жизнь в то, что тихо задыхается. Мы с Игорем словно два узника в идеальной квартире, где медленно, но верно отключают кислород. Я купила нам билеты к океану. Окунуться в солёную тёплую воду и тишину. Хотя бы на неделю перестать быть пациенткой и стать просто женщиной. Хочу вспомнить, как звучит его смех, когда он не думает о графиках.

Поправляю чёрное платье — строгое, от того дизайнера, которого он одобряет. Я сверкаю. Серьги в три карата, кольцо, браслет. Весь якутский лёд на мне. Я — живая витрина сети «Алмазный Свет Игоря Соколова». Безупречный экспонат, выставленный на обозрение. Его главный аксессуар. Или уже «бывший»?

Он входит. Вижу его отражение в стекле. Идеальный костюм, идеальная осанка, полное отсутствие эмоций на лице. Под мышкой — папка. Чёрная. Сердце ёкает: «Подарок? Может, всё ещё можно исправить?» Господи, какая же я дура. Напридумывала себе проблем.

— Лариса, — кивает он, садится. Не целует в щеку. Не касается руки. Взгляд скользит по мне, как по экспонату на оценке. — Выглядишь прекрасно.

— Спасибо, — лепечу, стараясь быть идеальной. Получается фальшиво и тонко. — Здесь так красиво... Помнишь, мы...

— Помню, — отрезает он, открывая меню. — Я уже заказал ужин. Надеюсь, желудок в порядке? В последний раз жаловалась.

— В порядке, — щеки под тональным кремом начинают гореть. *Жаловалась*. Да, после четвёртого провального ЭКО, когда моё тело отказалось быть телом и превратилось в лабораторию по неудачным экспериментам.

Ужин приносят. Он говорит о делах, о новых точках, о кризисе. Я киваю, ловлю себя на том, что режу стейк на идеально ровные кубики, как он любит. А в голове стучит: «Мальдивы... Скажи про Мальдивы... Сейчас...»

Не могу раскрыть рот. Сердце сжимает предчувствие. Все чувства обострены до упора. Он откладывает нож и вилку. Аккуратно. Чётко. Звук металла по фарфору — выстрел. Берёт папку.

— Лариса, нужно поговорить. Начистоту. Обсудить ситуацию. Как партнёрам.

Партнёрам. Меня бросает в жар.

— Я проанализировал нашу ситуацию, — голос ровный, монотонный, как на отчёте перед акционерами. — Наш брак... это был амбициозный проект. Но проект, увы, убыточный.

Где-то внутри звонко щелкает. Будто ломается тонкая ледяная игла.

— Ты перестала быть активом, — продолжает он, глядя не на меня, а куда-то в пространство за моим плечом. — Годы процедур, депрессий, этой твоей... апатии. Они съели твой лоск. Мне нужна компания, которая всегда на пике. И жена — часть бренда. Ты же понимаешь.

— Понимаю, — выдыхаю почти беззвучно, просто шевелятся губы.

— Я встретил женщину, — сообщает он, и в его глазах промелькивает что-то, отчего мне становится физически плохо. Не страсть. Нет. Удовлетворение. Как от удачной сделки. — Она молода. Элегантна. У неё... здоровая, ясная энергия. Она готова дать мне наследника. И не будет вечным пациентом клиник.

Обузой.

Воздух в ресторане густеет, как сироп. Дышать нечем. Я задыхаюсь.

Он вынимает из папки конверт. Кладёт его рядом с моим бокалом, на белоснежную скатерть. Точным, выверенным движением.

— Здесь документы на квартиру. Она твоя. Открыт счёт — сумма позволит не думать о будущем. И пакет акций сети. Чисто. Честно. Без скандалов. Чтобы ты ни в чём не нуждалась.

Смотрю на конверт. На руку, лежащую сверху — холёную, с дорогими часами. Этой рукой он когда-то обнимал меня. Теперь выдаёт ею мне отступные.

Всё. Кончено. Не с криком, не с битьём посуды. С холодным, расчётливым отчётом о моей несостоятельности. Как женщины. Как человека. Как бракованного актива.

Глаза сами находят моё отражение в боковине хромированной ложки. Оно уродливое, вытянутое. Рот — чёрной дырой. Глаза — пустыми впадинами. Вот она, я. Что осталось. Не жена. Не мечта. Товар, который списывают с баланса.

Я не плачу, хотя душа безмолвно кричит, разрываемая в куски реальностью. Слёзы испарились где-то внутри, выжженные ледяным азотом его слов. Весь мой мир не рухнул. Он тихо испарился. Оставил вакуум, звон в ушах и это кривое отражение в ложке.

В этот момент официант ставит передо мной десерт.

— Ваше шоколадное фондю с золотом! — радостно объявляет он.

Маленькая чаша с растопленным шоколадом стоит на плоской тарелке в окружении кусочков бисквита, фруктов. И сверху — тончайшие, дрожащие листочки съедобного сусального золота. Они блестят. Как моя прошлая жизнь.

Игорь встаёт.

— Мне пора. Прости. И... с наступающим.

Он уходит. Не оглядывается. Я остаюсь одна. Со столиком. С недоеденными стейками. С конвертом. И с этим идиотским золотым фондю.

Беру вилку, тыкаю в бисквит, обмакиваю кусочек в шоколад и следом в золото. Несу ко рту. Золото прилипает к губам, к небу. Безвкусное. Холодное. Спасает шоколад. Приходится проглотить и бисквит.

В голову приходит ясная, острая мысль: «Всё, что от меня осталось — это напыление. Один неловкий вздох — и его нет».

Кладу вилку. Золото на губах кажется позорным клеймом. Смотрю на огни города, на эту праздничную, чужую сказку за стеклом.

И впервые за много лет чувствую не боль. А дикую, немую ярость. Она рвётся наружу, сметая лёд.

Нет.

Не стереть.

Не позволю.

Я с силой отодвигаю стул. Звенит посуда. На меня смотрят. Мне всё равно.

Я не знаю, куда иду. Не знаю, что будет завтра.

Но я знаю одно — здесь, в этом золотом гробу, я больше не останусь.

Глава 1

Дом молчит. Не просто тишина — а густая, ватная, глухая тишина, которая давит на виски и заставляет сердце биться оглушительно громко, словно оно пытается заполнить собой всю эту пустоту. Я захлопнула за собой дверь, и теперь стою посреди нашей — моей? — гостиной, на паркете цвета мокрого песка и не знаю, что делать.

Я ещё в пальто. В том самом, кашемировом, цвета шампанского, которое он выбрал. «В тебе есть внутренний свет, Лариса, его нужно обрамлять тёплыми тонами». *Внутренний свет*. Смешно! Сейчас во мне — чёрная дыра, поглощающая саму себя.

Конверт жжёт карман. Я медленно, будто собираясь разминировать бомбу, вынимаю его. Сажусь на холодную кожу дивана модели «Баккара», его Игорь привёз из Милана. Раньше мне нравилось прижиматься к этой прохладной глади щекой. Сейчас она кажется ледяным саркофагом.

Внутри — документы на квартиру. Выписка со счёта. Цифры. Очень круглые, очень красивые цифры. Он оценил меня. До копейки. Посчитал квадратные сантиметры, прибавил нули, вычел моральный износ. И самый чудовищный документ — акт передачи пакета акций! Даже здесь, в этом аду, он мыслит, как стратег: чтобы я не претендовала на управление, но имела доход. Чтобы не мешала. Чтобы исчезла красиво и тихо. «Отступные». Слово-пощёчина. Меня не бросили. Со мной рассчитались!

Стыд.

Он поднимается из глубины живота, жгучей, кислой волной, обжигает горло. Это не боль от потери любви. Любовь, кажется, испарилась годами раньше, капля за каплей, в белых стерильных кабинетах, в бесконечных циклах надежды и отчаяния. Это другое. Это унижительный, сковывающий стыд за то, что тебя признали браком. Неудачным проектом. Негодным товаром, выставленным на списание!

Я беру телефон. Пальцы дрожат, скользят по стеклу. Набираю его номер. Тот, что был на быстром наборе под сердечком.

Он берёт трубку после второго гудка. Фон — приглушенные голоса, джаз, смех. Он в другом ресторане. Или уже в баре.

— Лариса? — Голос ровный, безразличный. Ни тени напряжения.

— Игорь... — мой собственный голос звучит чужим, сдавленным. — А дети? Наши... наши попытки? Это же было... наше общее дело. Наша мечта. Мы же хотели...

Глупо. Я знаю, что это глупо. Но мозг, отказывающийся верить, хватается за это, как за последнюю соломинку. После третьей неудачи он вытирал мои слёзы, держал за руку. Говорил «ничего, попробуем ещё».

На другом конце связи — вздох. Усталый, раздражённый.

— Лара, будь взрослой. Хватит. Это был провальный этап. Эмоционально и финансово затратный. Я провёл аудит. Пора закрывать этот проект и двигаться дальше. У нас всё хорошо. Ты обеспечена.

«У нас всё хорошо». От этой фразы меня буквально выворачивает.

— Ты обещал... — шепчу я уже в пустоту, потому что понимаю — он не слушает.

— Я выполнил все свои обязательства. Больше, чем должен был. Спокойной ночи.

Щелчок. Тишина.

И вот тогда поднимается ярость. Тихая, ледяная. Она не рвётся наружу криком. Она кристаллизуется где-то в груди, твёрдым, тяжёлым комом. Нет! Так не годится! Нельзя просто раствориться в этой позорной тишине.

Я не помню, как сажусь в машину. Как проношусь по знакомым, подсвеченным гирляндами улицам. Я вижу только цель — его офис, стеклянная башня в бизнес-квартале, где на двадцатом этаже горит свет.

Вхожу в вестибюль. Ёлка под потолок, сияющая игрушками. Запах кофе и дорогого парфюма. Охранник — новый — делает шаг ко мне.

— Лариса Соколова?

Из-за колонны выходит Василий. Старый охранник. Вид у него... виноватый.

— Пропусти, — говорит он молодому. И смотрит на меня с сочувствием. Ненавижу сочувствие. Он всё знает. Весь офис, наверное, уже знает.

Я киваю ему, пытаюсь улыбнуться. Получается оскал.

Еду на лифте. Сердце бьётся в висках. Вот-вот выпрыгнет.

Двери в его приёмную закрыты. Но они стеклянные. Я останавливаюсь перед ними, как вкопанная.

Он за своим столом. Не один. Рядом, полусидя на столе, в позе полной непринуждённости — она. Платье-футляр, идеальные каблуки, волосы, уложенные в капризные, слегка небрежные волны. Молодая. Очень. Она смеётся, запрокинув голову, и он смотрит на неё с живой, не наигранной улыбкой, которую я успела забыть.

Я не бросаюсь внутрь. Не стучу. Не кричу. Я стою и наблюдаю за кадром из чужой, успешной жизни. Жизни, где нет места сломанной, бесплодной женщине с пустыми глазами.

Разворачиваюсь и ухожу. Чувствую его сочувствующий взгляд у себя на спине. Стыд снова накатывает, но теперь он смешан с этим новым, холодным комком ярости. Я еду обратно в свою пустую квартиру-саркофаг, и во мне зреет решение. Дикое, парадоксальное, отчаянное.

Ночь. Я не сплю. Сажу в темноте перед ноутбуком, и экран — единственный источник света, мертвенно-белый. В Гугле мигает курсор в строке поиска. *«Куда сбежать?» «Куда исчезнуть?» «Где спрятаться от себя самой?»*

Социальные сети показывают мне бесконечный поток счастливых лиц, ёлок, шампанского. Я листаю, чувствуя себя призраком, наблюдающим за пиром живых.

И вдруг — яркий, кричащий баннер. Сверкающие снежные склоны, смеющиеся люди в дорогих комбинезонах, огни, похожие на рассыпанные драгоценности. *«Красная Поляна. Поднимитесь над проблемами! Встретьте Новый год на вершине мира!»*

Я смотрю на баннер. Потом медленно поднимаю глаза. В тёмном окне моё отражение: бледное, измождённое лицо с огромными глазами.

И я начинаю смеяться. Тихим, горьким, истерическим смехом, переходящим в рыдания. Потом стихаю.

«Поднимитесь над проблемами». Ироничная, солёная от слёз улыбка, расползается по лицу.

— Да! — говорю вслух темноте, своему отражению, этому баннеру. — Поднимусь! Прямо к чёрту на рога! Если уж падать в пропасть, то только с самой высокой горы.

Пальцы бегут по клавиатуре. Бронь отеля. Самый дорогой, самый пафосный. *«Альпийская легенда».* Номер с видом на склоны. Вылет завтра утром. Одно место. В один конец.

Я нажимаю «оплатить». Сердце бьётся не от страха, а от странного, щекочущего нервы ожидания. Я сбегаю. Не в никуда. А наверх! Туда, где воздух разрежен, где всё чужое, где можно затеряться в толпе весёлых, беззаботных людей. И, может быть, наконец, перестать быть *«женой Игоря Сергеевича».* Или сломать там шею. Тоже вариант. Или... этот побег вверх окажется падением в какую-то совершенно иную, непредсказуемую бездну?

Глава 2

Тридцатое декабря. Самолёт, а потом вертолёт. Раз уж сбегать, то до конца, с шиком. «Альпийская легенда»... Звучит как обещание.

На деле — стекло, хром и светодиоды. Много светодиодов. Они горят так ярко, что за ними не видно звёзд. Отражаются в полированном граните, в тонированных стёклах лимузинов, в глазах администраторов — улыбки широкие, профессиональные, пустые.

Мой номер — пентхаус на склоне. Панорамные окна открывают вид на горы. Они ослепительно белые, будто ненастоящие. Всё безупречно: дизайнерская мебель, камин с голограммным огнём, золотые смесители. Золотая клетка... Только решётки невидимые.

Стою посреди холодной роскоши в норковом пальто. Оно кажется нелепым, тяжёлым артефактом из прошлой жизни. Снимаю его. Под ним — чёрное платье того же дизайнера, что и наряд, надетый в «Панораму». Выбрано в гардеробной на автомате. Застряла в том моменте, как муха в янтаре.

Снизу доносится гул. Смех, музыка, визг. Выхожу на балкон. Внизу кипит жизнь: яркие, как конфетные обёртки, пуховики. Молодёжь с розовыми щеками, с пластиковыми стаканчиками. Они падают в снег, обнимаются, кричат. Живут. А я — наблюдатель. Призрак в норковом пальто.

Чувство фальши нарастает. Этот курорт — такая же глянцевая открытка, как моя жизнь. Только пахнет здесь хвоей, глентвейном и дорогим парфюмом. От этого становится тошно.

Вечер. Темнеет. Огней ещё больше. Они мигают, обещают чудо. Я сижу на краю огромной кровати. Понимаю: если не выйду, сойду с ума. В голове стучит идиотская мысль: «Раз опустилась на дно, надо встать на лыжи. Буквально. Подняться на вершину. Хоть какую-то».

Это не решение. Это капитуляция под видом активности. Чистое отчаяние, но оставаться в отеле нет сил. Спускаюсь в прокат. Консультант, мальчик с идеальной улыбкой, смотрит на мои сапоги на каблуке.

— Может, начнём с «зелёных» трасс и инструктора?

Отказываюсь. Гордость? Глупость? Не знаю. Говорю, что хочу подняться и посмотреть. Он пожимает плечами, выдаёт ски-пасс и напоминает про страховку.

Одежда? Ах, да... У меня нет одежды. Покупаю первое, что вижу в бутике: ярко-розовый комбинезон, кричащий о моей неопытности за километр, и белые, непрактичные ботинки. Я похожа на гламурную гусеницу, вылезшую не в ту среду.

Подъёмник выносит меня на небольшую, как мне кажется, горку. Вид захватывает. Долина в огнях, тёмно-синее небо. И тишина. Наконец-то тишина... Вдыхаю кислород полной грудью. Может, здесь, наверху, всё иначе?

Потом смотрю вниз. Крутизна, которая с земли казалась полой, теперь выглядит вертикальной стеной. Сердце уходит в пятки. Но отступать поздно. Сзади подъезжают другие. Нужно оттолкнуться.

Первый же метр доказывает: гравитация — великая сила, а я — профан. Лыжи едут сами. Не туда. Пытаюсь сделать то, что видела в кино — повернуть носки. Лыжи скрещаются. Издаю звук — нечто среднее между писком и стоном — и лечу вперёд, в, на первый взгляд, пушистый, а оказывается холодный и очень твёрдый снег!

Боль пронзает запястье. Острая, белая молния! Вот она, расплата за глупость. Лежу, раскинувшись розовой звездой, смотрю в небо. Рядом со мной замедляются двое мужчин в крутых масках.

— О-па!.. — глумится один. — Паркет упал.

— Не паркет, целый ламинат, — фыркает второй. — Эй, мадам, вам нужен инструктор по падениям или уже поздно?

Не дожидаясь ответа уносятся дальше. Оставляют меня гореть от стыда. Слезы застилают глаза. «Мадам». Неужели так плохо выгляжу? Хотя, что обижаться? Да. Бесполезная, сломанная мадам.

Оглядываюсь по сторонам. Лыжники пролетают мимо, но помощи нет. Принца на белом коне ждать не стоит. Но кто-то же должен спасти и «Мадам»? Слышу мерный гул. Ко мне подъезжает снегоход. За рулём — мужчина, похожий на доброго медведя. Борода в инее, карие глаза под мохнатыми бровями.

— Ну что, красавица... — говорит он безо всякой насмешки, — поехали. Руку сломала? Принцы бывают разными...

— Не знаю, — выдавливаю из себя, сквозь смех со слезами.

— Сейчас узнаем.

Он ловко поднимает меня, усаживает в волокуши. Удобно устраивает руку.

Трогается. И начинает негромко напевать под нос.

«В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...»

Это так нелепо, так выбивается из гламурного ада, что у меня перехватывает дыхание. Смотрю на широкую мужскую спину, на снежную пыль, и слушаю детский мотив. Смех, истерический, пузырится в горле. Давлю его. И плачу. Тихо, чтобы он не слышал.

Поющий «Медведь» привозит меня к неприметному домику с красным крестом. Выгружает, как мешок, но аккуратно.

— Данила там, разберётся. Не переживай, у него руки золотые. И голова. Не смотри, что здесь принимает. Он профи. Поправляйся, красавица!

И укатывает. Оставляет меня одну перед крыльцом в следующее унижение. Нужно зайти. Показать боль своего ущемлённого достоинства ещё кому-то.

Душу сжимает предчувствие, что стою на пороге чего-то важного. Собираю волю в кулак. Иду на встречу с профи-Данилой. Толкаю дверь и делаю шаг вперёд...

Глава 3

Внутри пахнет антисептиком, травами и... чем-то молочным, домашним. Не больничным. За столом сидит мужчина, лет сорока пяти, не больше, склонившись над книгой. Не в белом халате, а в тёмно-синем свитере. Лицо не поражает красотой — обычное, с усталыми глазами и бородой, в которой застряли серебристые нити преждевременной седины. Он поднимает взгляд. И всё. Ни удивления, ни раздражения, ни подобострастия, как у персонала отеля. Спокойное, изучающее внимание. Сосредоточенный взгляд видит сразу всё — розовый комбинезон, слёзы, боль.

— Здравствуйте, — сиплю от холода и сдерживаемых слёз. — Я... упала.

Он молча встаёт, подходит.

— Садитесь. Показывайте, что тут у вас.

— Вывих, — констатирует он. — Не сильный. Будет больно, но быстро. Сядьте, пожалуйста.

Он указывает мне на табурет возле стола. Я покорно сажусь, стиснув зубы. Годы уколов, процедур, операций научили меня терпению. Зажмуриваюсь. Жду боли.

— Раз, — говорит тихо. Слышу мягкий щелчок. Боль отступает, сменяется терпимой ломотой. Я открываю глаза от удивления.

Он уже достаёт эластичный бинт и начинает бинтовать, фиксируя сустав.

— Вот, — объявляет он, закрепляя конец бинта. — Три дня не напрягать, держать в тепле. Всё срастётся. Обезболивающее нужно?

Я качаю головой. Молчу. Что говорить? Спасибо? За что? За то, что он зафиксировал физическое последствие моего душевного падения? Стыдно до тошноты. Я — женщина за сорок, Приехавшая покорять вершины и сломала руку в первой же попытке «встать на ноги». Теперь сижу в медпункте, пахнущем сыром.

Он не отпускает мою руку. Держит. Я поднимаю глаза, готовая услышать что-то вроде: «Дамы вашего возраста должны быть осторожнее» или «Лыжи — не ваше».

Но он молчит. И смотрит. Прямо в глаза. Не в лицо, а именно в глаза, словно пытается разглядеть что-то на дне. И вдруг тихо спрашивает:

— Рука срастётся. А душа? Она у вас обморожена или обожжена?

Этот вопрос — как точный удар в самое слабое место. Тот самый щелчок, который вправляет не сустав, а всю мою изуродованную реальность. Ледяной панцирь, в котором я пыталась заморозить все чувства с того вечера в «Панораме», трескается с оглушительным грохотом, который слышу только я.

И я начинаю плакать. Не красиво, не тихо, поднося платок к глазам... Нет! Это рыдания. Я падаю головой на стол, на холодное дерево, меня всю трясёт, и не могу остановиться.

Годами я была сильной. Годами терпела уколы, гормональные бури, взгляды врачей, полные сожаления, холод Игоря, который с каждым провалом отдалялся всё больше. Годами носила маску благополучия жены успешного человека, которая «просто пока не может, но вот-вот». И всё это время внутри копилось, выкристаллизовывалось, превращалось в чёрный, тяжёлый камень. Камень стыда. Стыда за своё несовершенное тело. За свою сломанную женственность. За то, что я — брак! Бракованный товар.

И вот сейчас, в этой странной комнате, пахнущей сыром, перед абсолютно незнакомым мужчиной, этот камень прорвался наружу.

Я выговариваю. Срываюсь, повторяюсь, захлёбываюсь словами. Про ЭКО. Про уколы в живот, от которых синяки не сходили месяцами. Про надежду, которая с каждым разом становилась всё призрачнее. Про его лицо в день последней, окончательной неудачи — не разочарование, а холодную досаду, как на провалившейся сделке. Про конверт. Про «актив» и «пас-

сив». Про её смех за стеклом офиса. Я вываливаю на него весь свой сор, всю свою боль, всё своё унижение. Я уже не помню, кто он. Я просто кричу в пустоту, которая почему-то молча слушает.

А он и правда слушает. Не перебивает. Не пытается обнять, утешить. Не говорит «я понимаю» — потому что никто не понимает. Только подаёт салфетки.

Когда выдыхаюсь, наступает тишина. За окном завывает ветер. Я сижу опустошённая, с красным опухшим лицом, с размазанной по щекам тушью и боюсь поднять на него глаза. Что он теперь подумает? Что я истеричка психованная?

Слышу, как он отодвигает стул, садится напротив.

— Та-а-а-к... — говорит Данила, наливая мне воды, — значит, вы приехали на вершину, чтобы спрятаться. А нашли новую боль.

— Да, — шепчу. — Я идиотка с мёртвой душой.

— А теперь послушайте меня, — продолжает он, и в его тоне появляется мягкая, но непререкаемая твёрдость. — Вы не брак. Товар может быть с дефектом. Человек — нет. Вы ранены. Сильно. Глупо и жестоко. Но это не делает вас дефектной. Это делает вас живой. Мёртвые не плачут и не падают на склонах.

От этих слов во мне что-то сдвигается. Не боль, не обида. Что-то другое. Я рискую взглянуть на него. Он сидит, опершись подбородком на сцепленные пальцы, и смотрит на меня не с жалостью, а с... уважением? Нет, не то. С признанием. Как будто увидел не размазанную тушь, а шрамы, которые под ней.

Он смотрит на часы. Потом на меня. На мой розовый комбинезон.

— Завтра Новый год. У вас есть планы? Кроме как сидеть в номере и смотреть на гирлянды?

Мотаю головой. Какие планы? Планы были — разбиться. И они выполняются.

— Тогда, я предлагаю альтернативную программу. Без лыж. И без фальшивого блеска.

Пристально смотрю на него. Кто он? Что ему от меня надо?

— Какая программа? — спрашиваю с подозрением.

— Настоящая. В горах. У меня. Там будет сыр, шашлык, родители и тишина. И работа для рук. Чтобы голова отдохнула.

Сыр? Родители? Тишина? Звучит как заговор. Или спасение. Боюсь поверить. Но его спокойный взгляд, эти руки... внушают странное доверие.

— Я... я вас не знаю, — звучит глупо. — Кто вы?

— Данила. Врач. Сыровар. Бывший геолог. А вы — Лариса с обожжённой душой. Уже что-то. — В уголках его глаз морщинки — намёк на улыбку. — Думайте. Если решите — завтра в четыре жду у нижней станции канатки.

Доктор встаёт. Приём окончен.

Бреду к двери, держа забинтованную руку. Чувствую, что Данила что-то недоговаривает. Для сыровара-геолога он слишком уверенно держится. Уж в этом я разбираюсь. На пороге оборачиваюсь.

— А если я не приду?

— Значит, вам ещё нужен этот фальшивый блеск, — пожимает он плечами. — Но, предупреждаю, греть он не будет. Только слепить глаза.

— Почему вам не всё равно?

Он задумывается на секунду.

— Потому что однажды мне было так же плохо. И никто не предложил альтернативной программы. Пришлось искать самому. Долго... — Он пожимает плечами. — Может, сэкономлю вам время.

Выхожу на холод. Темно. Снег кружит. Огни курорта мигают, зовут веселиться, но теперь они кажутся мне просто мишурой, дешёвой побрякушкой. Иду к своему отелю. В голове, среди обломков мыслей, звенят его слова: «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.